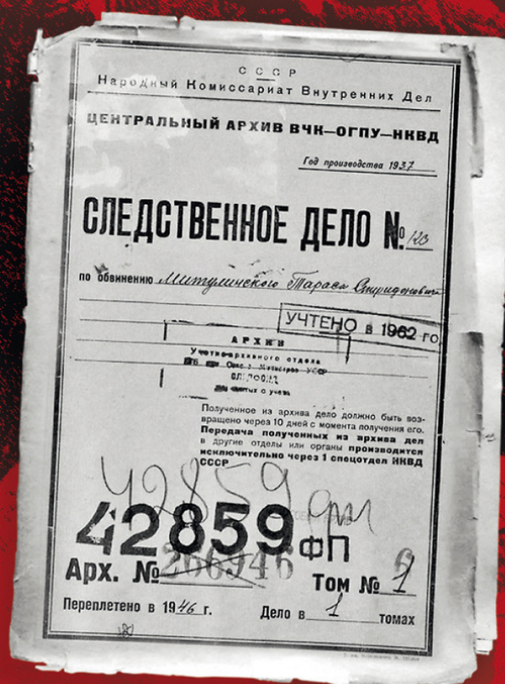

СТАЛИНИНА

НИКОЛАЙ ЧЕРУШЕВ

«КУХНЯ»

НКВД

Сталиниана

Николай Черушев

«Кухня» НКВД

«ВЕЧЕ»

2019

Черушев Н. С.

«Кухня» НКВД / Н. С. Черушев — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сталиниана)

ISBN 978-5-4484-8389-9

Книга, предлагаемая вниманию читателя, раскрывает систему фальсификации уголовных дел в застенках советской тюрьмы в 30-е годы XX века. Она основывается на материале документов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ и архиве Главной военной прокуратуры. Эти документы наглядно демонстрируют методы ломки, физического и морального разрушения личности подследственного, принуждения его давать невероятные, явно лживые показания на себя и других. В качестве примера подробно изучаются дела лиц, занимавших ответственные посты в Красной армии, – командарма 2-го ранга И.Н. Дубового и комдива П.П. Ткалуна.

ISBN 978-5-4484-8389-9

© Черушев Н. С., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Обстановка в стране и армии в середине 30-х годов XX века	7
Операция «Весна»	11
Дело командарма 2-го ранга И.Н. Дубового	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Семенович Черушев

«Кухня» НКВД

© Черушев Н.С., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

*Безвинно пострадавшим от политических репрессий
посвящается*

Предисловие

Желание написать книгу, раскрывающую систему фальсификации уголовных дел в застенках советской тюрьмы в 30 – е годы XX века, показать ростки национализма, появилось у автора в процессе изучения архивно-следственных дел, хранящихся в Центральном архиве ФСБ, а также документов архива Главной военной прокуратуры. В процессе изучения этих документов, особенно протоколов допросов обвиняемых, часто приходилось удивляться примитивности формулировок вопросов следователя и не менее примитивных ответов на них подследственного. Зная об уровне образования последнего, его подготовке и эрудиции, невозможно было представить, чтобы так отвечал на поставленный вопрос образованный и грамотный человек, занимавший большие посты и руководивший большими коллективами людей. Становилось сразу ясно, что данный протокол – продукт мозговой деятельности недалекого и не слишком развитого мелкого сотрудника «компетентных органов». И такого «продукта» в архивно-следственных делах немало. Справедливости ради скажем, что в «органах» были и грамотные, умные следователи, действовавшие не по принципу «битие определяет сознание», а умевшие расположить к себе подследственного, внушить ему определенные надежды на смягчение его участи в случае раскаяния. Но таких было явное меньшинство.

Документы, хранящиеся в архивах спецслужб, позволяют доподлинно узнать формы и методы процесса ломки, физического и морального разрушения личности подследственного, принуждения его давать невероятные, явно лживые показания на себя и других лиц. Покажем это на примере двух архивно-следственных дел по обвинению лиц, занимавших ответственные посты в Красной армии (командарма 2-го ранга И.Н. Дубового и комдива П.П. Ткалуна).

Автор благодарит всех, кто помогал ему в период сбора и обработки материала, и прежде всего Р.Н. Черушеву, Ю.Н. Черушеву, Э.Н. Чукину, А.Ю. Ходжен, О.Н. Коваленко, И.А. Чукина, сотрудников отдела реабилитации Главной военной прокуратуры.

Обстановка в стране и армии в середине 30-х годов XX века

Вторая пятилетка СССР способствовала превращению страны в крупную индустриальную державу. За эти годы были созданы новые отрасли промышленности, особенно в области производства цветных металлов, синтетического каучука, азотных удобрений. Был прекращен импорт тракторов и других сельскохозяйственных машин, паровозов, вагонов, паровых котлов, шарикоподшипников и многих видов станков. Текстильная промышленность целиком перешла на отечественный хлопок. Но по легкой промышленности план второй пятилетки не был полностью выполнен. Это было связано с тем, что ввиду напряженной международной обстановки и угрозы войны пришлось усилить темпы развития оборонной промышленности, передав туда часть капиталовложений, предназначенных для легкой промышленности.

Эта пятилетка была в то же время периодом завершения коллективизации, пятилеткой победы социалистического строя в сельском хозяйстве СССР. В 1937 г. колхозы объединяли 93 % всех крестьянских хозяйств и свыше 99 % крестьянских посевных площадей. Пахота, посев, уборка зерновых были в значительной мере механизированы. Уборка комбайнами зерновых по всему СССР составила в 1937 г. около 40 %. В конце второй пятилетки на один гектар зерновых посевов затрачивалось вдвое меньше труда, чем в единоличном крестьянском хозяйстве до коллективизации. Однако механизация уборки технических культур была еще на низком уровне¹.

Выполнение плана второй пятилетки, рост всех отраслей промышленности, завершение их реконструкции, коллективизация сельского хозяйства привели к коренным изменениям во всех областях общественной жизни СССР и прежде всего в экономике и классовой структуре советского общества. Социалистические отношения, победившие в городе и деревне, стали единой всеобъемлющей системой народного хозяйства.

К концу пятилетки по сравнению с 1928 г. общее число рабочих и служащих увеличилось в 2,5 раза. Вместе с семьями они составляли в 1937 г. более одной трети всего населения страны. Вместо единоличного крестьянства, составлявшего в 1928 г. около трех четвертей населения, появилось колхозное крестьянство (58 % всего населения). Совершенно исчезли капиталистические классы: буржуазия, помещики и кулаки².

Рабочий класс СССР стал ведущим не только по своему положению в обществе. Он вырос количественно, повысил свой производственный и культурно-технический уровень. Крестьянство также изменило не только свой социальный облик. Вырос и общий уровень крестьянства, преодолевалось былое его отставание от городского населения в экономической и общественно-политической жизни, ликвидировалась культурная отсталость деревни. Советская интеллигенция, вышедшая из народа и тесно связанная с ним, стала играть значительную роль в жизни общества. В 1937 г. численность интеллигенции в СССР составляла 9,6 млн человек³.

В результате выполнения основных показателей второй пятилетки СССР стал крупной индустриальной державой, обогнавшей по темпам роста промышленности главные капиталистические страны. По объему промышленной продукции он вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, опередив Германию, Англию, Францию. По производству машин, тракторов, грузовых автомобилей, добыче нефти СССР занял второе место в мире. По другим

¹ История СССР. Эпоха социализма (1917–1957 гг.). М.: Политизат, 1957. С. 474.

² Там же. С. 477.

³ Там же. С. 478.

важнейшим видам промышленной продукции Советскому Союзу принадлежало третье и четвертое место, и только по производству всех видов автомобилей – пятое место в мире и третье в Европе.

В годы этой пятилетки вступило в строй 4500 новых предприятий. Валовая продукция промышленности к концу второй пятилетки более чем удвоилась по сравнению с 1932 г., а по сравнению с 1929 г. выросла более чем в 4 раза.

Во второй пятилетке, как и в первой, тяжелая промышленность росла значительно быстрее, чем легкая. Удельный вес производства средств производства в общей продукции промышленности СССР поднялся в 1937 г. до 57,8 против 53,4 % в 1932 г.⁴

Достигнув технико-экономической независимости от буржуазного Запада, Советский Союз в 30-х годах значительно укрепил свою обороноспособность. Промышленность СССР могла теперь своими силами обеспечить нужды обороны страны. Только за вторую пятилетку более чем в 2,8 раза выросла продукция оборонной промышленности, в том числе авиационной, с 1933 по 1938 г. – в 5,5 раза. Преодолевая огромные трудности, СССР создал солидную индустриальную базу для производства современных видов вооружения. Из технически отсталой Красная армия превращалась в современную армию, способную защитить свое государство.

Стоявшие на вооружении старые артиллерийские системы были модернизированы, что существенно улучшило тактические и баллистические свойства орудий, повысило их скорострельность и дальность. Значительная работа была проведена по моторизации артиллерии, переводя ее с конной тяги на механическую.

В стране было налажено производство танков. В начале 30-х годов были окончательно сняты с вооружения все танки иностранных типов и начат серийный выпуск отечественных (легких, средних, тяжелых, плавающих). По своим боевым показателям эти машины не уступали соответствующим зарубежным образцам. Бронетанковые и механизированные войска становились самостоятельным родом войск Красной армии. В мае 1930 г. была сформирована первая в РККА механизированная бригада. Затем (в 1932 г.) на базе этой бригады был сформирован механизированный корпус. К маю 1933 г. в Красной армии имелось два таких корпуса и шесть отдельных механизированных бригад.

Исключительно важное внимание уделялось развитию военно-воздушных сил. Была поставлена задача постоянно улучшать качество авиационной техники, доведя ее до уровня техники передовых стран мира. Военно-воздушные силы (ВВС) РККА получили разнообразные типы самолетов разведывательной, бомбардировочной, штурмовой, истребительной авиации (истребители И -15, И -16), тяжелые бомбардировщики ТБ -1 и ТБ -3, бомбардировщик ДБ -3, СБ -3, разведчик Р -5). Новые машины оснащались мощным вооружением, различными приборами, в том числе и для ночных полетов, что повышало их боевые возможности. Скорость и высота полета ВВС РККА увеличились в 1,5–2 раза. Дальность полета и грузоподъемность бомбардировщиков возросли в 3 раза.

Совершенствовалось и техническое оснащение специальных родов войск. На вооружении инженерных войск появились новые переправочные средства, дорожные, землеройные и другие машины, ускорявшие строительство различных оборонительных сооружений. Войска связи пополнились более совершенными радиостанциями, телефонами, другой аппаратурой, необходимой для организации управления войсками в условиях современной войны.

Производство основных видов вооружения в 1930–1937 гг. (сравнительные цифры в год): самолеты (1930 г. – 860, 1937 г. – 3578), танки (1930 г. – 740, 1937 г. – 3139), артиллерия (1930 г. – 1911, 1937 г. – 5020)⁵.

⁴ Там же. С. 472.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В шести томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1961. С. 65.

На основе технического роста страны и повышения культурного уровня ее населения была развернута программа подготовки военных кадров. Открывались новые военно-учебные заведения, среди которых был большой процент военно-технических. В 1933 г. курсанты военно-технических школ составляли 63,5 процента общего числа военных школ. К концу второй пятилетки средний командный и начальствующий состав для Красной армии готовили 75 военных школ, в том числе 18 – для авиации, 7 – для флота, 11 – для артиллерии, 9 – для бронетанковых войск⁶.

Не менее важное значение в эти годы придавалось подготовке специалистов с высшим военным образованием. С началом широкого развертывания в 1930 г. отечественного танкостроения в Военно-технической академии образуется факультет механизации и моторизации. На базе этого факультета и Московского автотракторного института в мае 1932 г. создается Военная академия механизации и моторизации РККА. В том же году основываются Военная электротехническая академия и Военно-транспортная академия Красной армии. Военно-морское инженерное училище было преобразовано в высшее военно-морское заведение.

Для подготовки высококвалифицированных специалистов военного хозяйства из состава Военной академии имени М.В. Фрунзе был выделен факультет тыла и снабжения. В 1935 г. на его базе образовалась Военно-хозяйственная академия.

В 1936 г. была создана Академия Генерального штаба РККА – для подготовки высших командных кадров оперативно-стратегического звена. Уже два года спустя академия произвела свой первый выпуск.

В военных академиях совершенствовались старые и разрабатывались новые образцы боевой техники и вооружения, изыскивались наиболее действенные способы их применения.

Степень подготовленности войск к решению оперативно-тактических задач проверялась на крупных учениях и маневрах, проводимых, как правило, в конце учебного года. Учения в Киевском и Московском военных округах в 1935–1936 гг. показали, что войска достигли положительных результатов в ведении боя с применением большого количества новой техники.

Вместе с тем на учениях были вскрыты и серьезные недостатки в боевой подготовке. Личный состав многих частей оказался слабо подготовленным к боевым действиям в сложных условиях. Некоторые штабы не всегда справлялись с задачей организации взаимодействия родов войск в бою, а часть командиров имела слабые навыки руководства органами управления и тыла.

Основная причина этих недочетов состояла в том, что при обучении войск командиры ориентировали на возможность легкой победы над «слабым» противником и недостаточно учили их способам преодоления трудностей современного боя. На качестве боевой подготовки отрицательно сказывались упрощения и условности, допускаемые в частях и соединениях.

Новый Полевой устав Красной армии (ПУ-36) значительно помог в перестройке методов обучения войск и штабов. С целью повышения качества боевой подготовки и мобилизационной готовности частей и соединений армия была переведена на кадровое положение, что отвечало требованиям международной обстановки и потребностям государства.

Выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.), нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов говорил: «...Наши вооруженные силы полностью соответствуют уровню развития нашей страны, от бурного роста которой они не отставали и не смели отставать ни на один шаг.

За период между XVI и XVII партийными съездами проделана огромная работа по коренной реконструкции Красной армии. За этом период армия совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией»⁷.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. С. 228.

Несомненно, успехов было бы значительно больше, если бы не репрессии против командно-начальствующего состава РККА.

Операция «Весна»

Репрессии против военных кадров (как действующих, так и находящихся в запасе и отставке), то затихая, то набирая обороты, фактически были всегда. Уничтожение бывших генералов и офицеров старой армии, начатое в годы Гражданской войны, продолжалось также в 20-х и начале 30-х годов. Происходило это во всех регионах СССР, но в первую очередь репрессии коснулись крупных административных центров страны – Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. Гонениям в эти годы подверглись как действующие командиры РККА, так и лица, находившиеся в запасе и отставке. Карающий меч революции ОГПУ одну за другой проводило операции по «зачистке» бывших военспецов Красной армии, которые, как отработанный материал, оказались уже ненужными.

В состав неблагоденных, наряду с другими, попал и М.Н. Тухачевский. Основными агентурными делами, по которым органы ОГПУ – НКВД в конце 20-х и начале 30-х годов вели разработку его и других видных военных специалистов, являются дела «Генштабисты», «Весна». В данной главе основное внимание уделим последнему. В этих делах сосредоточены материалы о военачальниках Красной армии, начиная с 1924 г. Тогда на оперативный учет, как «неблагоденные», были взяты, помимо Тухачевского, также бывшие главкомы И.И. Вацетис, С.С. Каменев, генералы А.Е. Снесарев, М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Свечин и многие другие.

Среди арестованных были и преподаватели Военной академии имени М.В. Фрунзе. В том числе Н.Е. Какурин и И.А. Троицкий. Именно они показали о заговорщических настроениях М.Н. Тухачевского. Председатель ОГПУ В.Р. Менжинский направил протоколы этих допросов И.В. Сталину. Тот распорядился дать очную ставку Какурину и Троицкому с Тухачевским, на которой арестованные подтвердили свои показания. На этом можно было бы и остановиться, отдав указание об аресте Тухачевского, присоединив его тем самым к остальным узникам ОГПУ. Но Сталин тогда такого шага не сделал. Он велел спросить по этому поводу мнение видных деятелей РККА – Я.Б. Гамарника, И.Э. Якира, И.Н. Дубового. Вот как прокомментировал вождь партии этот эпизод через семь лет на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР, на котором обсуждался вопрос о раскрытии «военно-фашистского заговора» в Красной армии во главе с М.Н. Тухачевским. При выступлении члена Военного совета Киевского военного округа корпусного комиссара Е.А. Щаденко 2 июня 1937 г. состоялся обмен репликами между И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым:

«ЩАДЕНКО. Тов(арищ) Сталин сказал, что мы верили. Центральный Комитет верил Гамарнику, Тухачевскому, Уборевичу, Якиру и многим другим. Это доверие ЦК партии мы видели совершенно ясно. Они были облечены доверием.

СТАЛИН. Особенно Якир и Гамарник.

ЩАДЕНКО. Особенно Якир и Гамарник. Совершенно понятно, они сбивали с толку людей. Они притупляли классовую бдительность.

СТАЛИН. Я больше верил Дубову (так в тексте стенограммы. Правильно – Дубовому. – Н. Ч.). Он с одной стороны характеризовал Тухачевского как врага.

ВОРОШИЛОВ. Это было в 1929-30 гг.

СТАЛИН. Да. На очной ставке он сказал, что Тухачевский был связан с враждебными элементами. Два арестованных об этом показывали.

ЩАДЕНКО. Да, в протоколе Троицкого.

СТАЛИН. Мы обратились к т.т. Дубовому, Якиру и (Гамарнику): “Правильно ли арестовать Тухачевского как врага?” Все трое ответили: “Нет, это, должно быть, какое-то недоразумение, неправильно”.

ВОРОШИЛОВ. Мы очную ставку сделали.

СТАЛИН. Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть...»⁸.

Упомянутый выше И.Н. Дубовой в то время был помощником (заместителем) командующего войсками Украинского военного округа И.Э. Якира. Вот об Иване Наумовиче Дубовом и пойдет в дальнейшем наш разговор.

Из упомянутых выше персонажей к началу июня 1937 г. на свободе был только Иван Дубовой. Остальные – Гамарник застрелился, Тухачевский и Якир находились в застенках НКВД, давая «признательные» показания.

Возможно, именно о той поездке И.Н. Дубового в Москву вспоминает его жена – Нина Дмитриевна Чередник-Дубовая. «В середине 1930 года ГПУ Украины арестовало группу бывших офицеров старой армии, работавших в штабе округа и в частях. Им предъявили нелепое обвинение, будто они организовали контрреволюционный заговор с целью уничтожить командование УВО – Якира, Дубового, начальника политуправления Хаханьяна, перебить армейских коммунистов, поднять восстание и отторгнуть Украину от Советского Союза.

Начальник ГПУ Украины Балицкий ознакомил Якира и Дубового с показаниями некоторых арестованных. Все выглядело убедительно, доказательно... И все же Иона Эммануилович не мог поверить в виновность людей, с которыми прошел много фронтовых дорог, которых знал как заслуженных боевых командиров, честно воевавших за советскую власть.

– Это не укладывается в моем сознании, – говорил он, взволнованно шагая по кабинету в своей квартире. – Неужели они стали изменниками, а мы, коммунисты, оказались столь близорукими?... Нет, нет и еще раз нет!.. Балицкий настаивает на своем. Выход один – ехать в Москву и просить разобраться во всем подробно и объективно.

30 декабря муж пришел домой из штаба и попросил меня немедленно собрать его в дорогу.

– Нас вызывают в Москву по этому делу. Иона торопит...

Естественно, я очень расстроилась: у нас недавно родилась дочурка, Новый год хотелось встретить всей семьей, с друзьями, и вообще уезжать в канун Нового года не годится...

Иона Эммануилович – это очень характерно для него – нашел время заехать перед отъездом и успокоить меня:

– Не горюй, Нина, Новый год отметим позже, а сейчас дорога каждая минута. Люди, наши люди – и в тырме.

Он оперся руками о край стола и, делясь со мной своими думами, сказал:

– Большая драка будет с Балицким, большая!.. Может быть, нас с твоим Иваном стукнут крепко, но иначе поступить я не могу, не имею права. Эти товарищи за революцию дрались, советскую власть защищали, а теперь их обвиняют черт знает в чем и, возможно, под угрозой их жизнь. Можем ли мы стоять в стороне и молча наблюдать?...

Он посмотрел на меня и, понизив голос, с горечью добавил:

– Правда, один очень ответственный товарищ советовал мне не вмешиваться. Понимаешь, не вмешиваться, если даже этих людей, советских людей, казнить будут... Не могу я так. В таком случае я бы перестал уважать самого себя.

Дорогой мой товарищ! Думал ли ты в те минуты и часы, что всего несколько лет спустя и тебе самому предъявят чудовищные обвинения в измене и поведут на расстрел. Тебя, героя Гражданской войны, храбро воевавшего за родную советскую власть, безмерно любившего свой народ, свою партию, и некому будет защитить, громко крикнуть:

– Остановитесь!.. Что вы делаете?!

Не помню, ответила ли тогда Якиру или промолчала, но он повторил свою просьбу не печалиться. И вместе с Саей, его женой, подождать возвращения из Москвы.

⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 164.

Когда Якир и Дубовой вернулись домой, мы узнали, что их принял Орджоникидзе, человек большого сердца и редкой отзывчивости. Внимательно выслушал все сомнения и доводы, записал факты противоречий и искажений в показаниях арестованных.

Почти всех арестованных освободили, значит, их невиновность была доказана. Балицкий с Украины уехал, а в аппарате ГПУ провели организационные мероприятия.

Характерная деталь. Я спросила мужа, кто был тот весьма ответственный товарищ, советовавший Якиру не вмешиваться в дело. Дубовой ответил:

– Думаю, что Каганович!»⁹.

Отметим, что свою негативную роль в создании в недрах ОГПУ дела «Весна» сыграли и материалы, вброшенные в свое время в западные средства массовой информации в ходе операций «Трест» и «Синдикат». Дело в том, что тогда с целью показать степень участия старого офицерства в заговорщической организации ОГПУ совместно с Разведуправлением РККА через своих зарубежных агентов активно распространяли сведения о существовании в СССР нелегальных антисоветских организаций с участием в них офицеров и генералов старой армии.

Несколько слов о происхождении названия этой операции – «Весна». Данное название окончательно утвердилось уже в ходе следствия, когда дали показания основные фигуранты дела. По версии ОГПУ, каждый год, весной, военспецы – эти «недобитые» офицеры и генералы царской армии, а также их единомышленники в городе и на селе, с нетерпением ждали начала иностранной интервенции и своего освобождения из большевистского рабства. В свою очередь, по той же версии, военспецы-заговорщики, действуя согласованно с интервентами, делали все возможное, чтобы облегчить последним выполнение их задач. Вот такая легенда о пробуждении каждой весной надежд на освобождение от большевизма и дала этому большому делу название «Весна».

Накопленные в ОГПУ материалы агентурной разведки спустя некоторое время послужили основой для создания этого группового дела, основные события которого происходили в 1930–1931 гг. Только аресту по этому делу подверглось более 3000 бывших офицеров и генералов – военспецов Красной армии. Они бездоказательно, на основе только показаний «сексотов», обвинялись в принадлежности к различного рода антисоветским офицерским организациям, в проведении вредительской и шпионской деятельности.

В связи с этим следует сказать в широком плане о позиции офицерского сословия после прихода к власти большевиков. Вскоре после этого началась демобилизация старой армии. Тысячи офицеров оказались без средств к существованию в голодной, разрушенной и ослабленной войной стране. Самодержавия и самого царя не стало (он превратился в простого гражданина Романова), рухнула и Российская империя, которым они присягали и служили. И осталась одна пустота, сознание своей ненужности, неприкаянности. За исключением ярых монархистов, большинство офицеров и генералов были далеки от политики, слабо разбирались в хитросплетениях борьбы политических сил, партий и течений. Кроме тех, кто подался на Дон и Кубань – оплот противодействия большевикам, все остальные, как правило, занимали выжидательную позицию, надеясь на скорое падение советской власти.

А когда в 1918 г. была объявлена мобилизация офицеров старой армии в вооруженные силы Республики Советов, многие из них, считая себя в силу указанных выше причин свободными от обязательств старой присяги, пошли служить в Красную армию в качестве военных специалистов («военспецов»). Значение военных специалистов признавал и сам лидер большевиков В.И. Ленин. Он подчеркивал, что без привлечения опытных военных специалистов нельзя построить Красную армию. По данным исследователя этой проблемы А.Г. Кавтарадзе, из 250 тысяч офицеров, служивших в русской армии, после Октябрьской революции при орга-

⁹ Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1963. С. 109–110.

низации Красной армии примерно треть оказалась в ее рядах. Несколько больше (примерно 40 %) их было в белой армии.

А если перейти от процентов к конкретным цифрам, то налицо такая картина. В конце Гражданской войны в составе Красной армии служили 75 тысяч бывших генералов и офицеров в качестве военных специалистов. Известно и то, что большую их часть составляли офицеры военного времени – выходцы из крестьянского сословия, служащих и мелкой буржуазии. В годы Первой мировой войны подавляющее большинство этих прапорщиков, подпоручиков, поручиков, штабс-капитанов начинали свою службу рядовыми солдатами. Затем, окончив учебную команду и получив определенный боевой опыт, они попадали в школы прапорщиков, чтобы потом командовать взводами, ротами и даже батальонами. Уровень их военной подготовки был соответствующий – тактикой они владели на уровне подразделения (рота, батальон), в лучшем случае – полка. О стратегии и оперативном искусстве говорить не приходится – это для младших офицеров была заповедная тема. Конечно, как и в любом деле, здесь находились самородки, которые в годы Гражданской войны успешно командовали дивизиями и армиями.

Руководство Республики Советов с самого начала строительства своих вооруженных сил держало в поле зрения работу с военными специалистами, периодически оценивая эффективность их работы в войсках и штабах. Например, по поручению В.И. Ленина командующий 5-й армии Восточного фронта М.Н. Тухачевский в декабре 1919 г. подготовил доклад: «Об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии». В этом докладе М.Н. Тухачевский (сам бывший подпоручик) всесторонне анализирует положение дел с использованием военспецов, эффективность их работы, уровень их политического развития. В частности, командарм-5 делает следующий вывод: «Многие генералы и офицеры честно служат советской республике, но руководствуются в данном отношении идеей национальной, а не своей солидарностью с рабочим классом... При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы Гражданской войны, а, как следствие того, и вытекающие из них оперативные формы...»¹⁰.

Вполне понятно, что переход бывших генералов и кадровых офицеров на службу в Красную армию был непростым, болезненным процессом, связанным с ломкой сложившихся стереотипов мышления, сложившихся взаимоотношений в обществе и армии. Все это можно увидеть на примере воспоминаний бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного.

«14-го октября (1917 г. – *Н.Ч.*) я вступил в командование 42 арм(ейским) корпусом, т. е. за полторы недели до Октябрьской революции. В день Октябрьской революции я явился в Выборг на соединенное заседание корпусного комитета и выбоы Совета Рабочих Депутатов и приветствовал с началом новой настоящей революции. Этот день я считаю началом своей службы советской власти. Но вот вопрос, с какими же убеждениями я пришел к ней на службу?

Первым моим побуждением было служить истинно народной власти, какой я себе и представляю советскую власть.

В дальнейшем на должности военного руководителя Уральского военного округа я ознакомился с программой большевистской партии и хотя, может быть, мне многое казалось неясным в отношении методов и темпов углубления революции, решил честно служить делу революции. Правда, т. Голощекину (Ф.И. Голощекин – руководитель уральских большевиков. – *Н.Ч.*) я тогда высказывал взгляды, что путь эволюции может быть медленнее, но без больших напряжений может привести к тем же результатам, что и революция. В этой ошибке я, однако, убедился, когда стал ясно понимать задачи пролетарской революции».

Читая эти строки, написанные Д.Н. Надежным, анализируя их содержание, необходимо сделать определенную поправку на то, что писал их бывший генерал не на свободе, не в домашнем или служебном уютном кабинете. Совсем не так! Он писал их в тюрьме, будучи арестован

¹⁰ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 29.

в 1931 г. в рамках операции «Весна». А посему надо верно его понимать, когда он делает комплименты в адрес правильности курса Октябрьской революции, советской власти и ее вождей на местах.

Далее Д.Н. Надежный пишет: «Были ли у меня колебания и сомнения в правильности моего решения служить советской власти? Конечно, были, но вместе с тем я осуждал тех людей, которые пошли на сторону белых...

Когда я командовал Северным, а потом Западным фронтами, под влиянием видных партийных работников – членов РВС фронта, я постепенно осознал правильность политической линии партии, но сказать, что я вполне политически вырос, конечно, было бы неверно...»¹¹.

Доверие советской власти каждому военному специалисту надо было еще заслужить. С обидой и горечью Д.Н. Надежный рассказывает об этих днях своей жизни: «Другие, как я, которые по собственной охоте вступили на советскую службу, а также и те, которые были призваны по мобилизации из числа бывших офицеров, шли ощупью в условиях новой, строящейся на социальных началах жизни, боясь стукнуться об ее острые углы. А таких углов было немало:

1) Взгляд на нас центрального правительства, как на элемент, который допустимо использовать до поры до времени при организации новой Красной армии. А отсюда – контроль аппарата, так или иначе угнетавшее самолюбие. 2) Подозрительное, а порой весьма грубое, если не сказать более, обращение политработников к старому комсоставу в период Гражданской войны. 3) Недоверие красноармейских масс. 4) Потом наступившая чистка и 5) общий тон как печати, так и литературы – презрительно-пренебрежительный. Во мне лично произвел тяжелый переворот с вызовом на Гороховую, 2 по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича, основанный только, по словам т. Зиновьева, на том, что я занимал высокую командную должность.

Эти обстоятельства, кроме горечи и обид, у старого командного состава вызывали стремление поделиться с людьми, одинаково мыслящими и находившимися в одинаковых условиях»¹².

Бывших офицеров и генералов, поступивших на службу в Красную армию, нельзя представлять в виде единой, однородной массы. При детальном анализе слов и действий каждого из них выясняется, что там были и общие точки соприкосновения, были и различия тактического плана. Общим, объединяющим было то, что горячими сторонниками советской власти их назвать было нельзя. Покажем это на примере известного генерала А.А. Брусилова. В своих воспоминаниях он говорит, что он, поступив на службу в Красную армию, занял выжидательную позицию в расчете на перемены: «...Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится, В этом я ошибся, но я ли один?» Несколько позже к сказанному выше Брусилов сделал очень важное добавление: «Убежден, что многие, помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы она и называлась “Красной”, думали так же, как и я»¹³.

Генерал Д.Н. Надежный отметил существенную особенность позиции бывших генералов и офицеров в условиях советского режима – боязнь стукнуться об его острые углы. Основу этой позиции составляла их аполитичность – отсутствие желания примыкать к той или иной политической партии, в том числе и правящей, коммунистической, участвовать в политических мероприятиях, высказывать свои политические взгляды. За исключением небольшой части, основная масса бывших офицеров, служивших в 20-х и 30-х годах в Красной армии, продолжала быть аполитичной, что само по себе предполагает отсутствие какой-либо нелегальной, заговорщической деятельности. Это во-первых.

¹¹ Цит. по: *Титченко Ярослав*. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 59.

¹² Там же.

¹³ Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 72.

Во-вторых, напуганное репрессиями со стороны ОГПУ против бывших офицеров в начале 20-х годов, их «вычищением» из рядов армии и флота, они старались лишний раз «не засвечиваться», не вступать в конфликты с органами советской власти, дабы не вызвать к своей особе внимание контрольных и карательных органов. Безусловно, они возмущались несправедливым отношением к себе, выражавшемся в «затирании» по службе, недостаточным использованием их опыта и знаний. Однако такое возмущение, как правило, было кухонного масштаба в компании сослуживцев-единомышленников, и оно отнюдь не означало наличия заговорщической организации (группы) и замыслов ниспровержения советской власти. Между тем именно так подавались события в изложении оперативных и следственных работников ОГПУ.

У бывших офицеров была обида и на то, что они обманулись в своих ожиданиях – ведь многие из них, вступая в Красную армию, обнадеживали себя тем, что идут служить не большевикам, а защищать свою Родину от иноземных захватчиков (германских войск). Это положение одинаково относится и к тем, кто вступил в не добровольно, как и к другим, кто был мобилизован согласно декрету советской власти, – всем им пришлось участвовать в Гражданской войне.

О масштабах «чистки» Красной армии в 20-х и начале 30-х годов (избавление ее от «военспецов») свидетельствует такой факт. Речь пойдет о замещении такой важной должности в войсках, как начальник штаба дивизии (а она была чисто «офицерской»). Всего за годы Гражданской войны эту должность в дивизиях (пехотных, стрелковых, кавалерийских) занимало порядка 600 чел. Из них в 20 – е и 30 – е годы вне армии (в результате сокращения вооруженных сил, увольнения по политическим мотивам, ареста и других видов «чистки») оказалась подавляющая часть. Высококвалифицированные военные кадры, в том числе окончившие Академию Генерального штаба, люди, посвятившие военному ремеслу всю свою жизнь, оказались без любимого дела и прозябали на мелких гражданских должностях и даже были безработными.

Например, бывшие старшие офицеры в конце 20-х годов работали в Москве: полковник Н.Е. Марков – сотрудником животноводческого центра; полковник В.Ф. Менжинский – контролером игрушечной секции в Мосторге; подполковник В.И. Галкин – репетитором по математике и физике; полковник Б.В. Майер – калькулятором на заводе «Серп и молот».

Но продолжим анализ «начштабовской» категории дивизионного звена. Из указанных 600 человек лишь немногим удалось сравнительно благополучно преодолеть различные «чистки» и остаться в рядах армии. На момент присвоения в РККА персональных воинских званий в 1935–1936 гг. в состав элиты Красной армии (от комбрига и выше) из названного звена туда попало только 63 человека. Итак, 600 и 63 – всего один процент (1 %) составляли бывшие штабные работники дивизионного звена, получившие богатейший опыт планирования боевых операций и боев в различных регионах страны. Такова была «эффективность» гонений на бывших офицеров в Стране Советов в 20-х и начале 30-х годов. К сказанному добавим и тот факт, что из оставшихся в строю Красной армии этих 63 бывших военспецов в 1937–1938 гг. жертвами репрессий стали 38 человек (60 %).

Прошло уже более десяти лет существования Красной армии и службы в ней военных специалистов – генералов и офицеров старой армии, однако и в начале 30-х годов подозрительность к ним со стороны органов советской власти, особенно карательных органов, продолжала быть устойчивой. В одном из документов НКВД тех лет говорилось: «В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество быв(шего) кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой советской власти... Все они ждут падения советской власти»¹⁴.

¹⁴ Военные архивы России. Выпуск первый. М., 1993. С. 102.

Такое устойчивое мнение сложилось у «компетентных» органов страны. И волны арестов следовали одна за другой. Самая крупная из них последовала в 1930 г. Она затронула в первую очередь профессорско-преподавательский состав военных академий, где нашли работу многие бывшие генералы и офицеры, имевшие богатый опыт Первой мировой и Гражданской войн. В головном военно-учебном заведении Красной армии – Военной академии имени М.В. Фрунзе – были арестованы преподаватели: Н.Л. Владиславский-Крекшин (бывший генерал-майор), С.Г. Лукирский (быв. генерал-майор), Е.К. Смысловский (быв. генерал-майор), А.Е. Снесарев (быв. генерал-лейтенант), В.Г. Сухов (быв. подполковник) и др.

В 1931 г. в той же академии подверглись аресту: Е.М. Голубинцев (быв. полковник) А.Г. Лигнау (быв. генерал-майор), Д.Н. Надежный (быв. генерал-лейтенант), Н.П. Сапожников (быв. генерал-майор), С.А. Пугачев (быв. капитан), К.И. Бесядовский (быв. полковник), А.А. Свечин (быв. генерал-майор), С.Г. Бежанов (Сакварелидзе) – быв. подполковник и др. Тогда же был арестован и бывший преподаватель академии А.И. Верховский, работавший в то время начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Из других московских академий также сильно пострадала Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского, из ленинградских – Военно-политическая, Военно-морская, Военно-медицинская академии.

В чем же их обвиняли? Конечно же, в контрреволюционной деятельности. Например, товарищеские вечера бывших сослуживцев и деловые совещания по обсуждению вопросов совершенствования учебного процесса со слушателями академии, а также встречи георгиевских кавалеров выдавались за контрреволюционные сборища с антисоветской тематикой. Свидетельствует упомянутый выше Е.М. Голубинцев: «Мне предъявлено обвинение в активном участии в военной контрреволюционной организации с целью низвержения советской власти. Тягчайшее преступление со всеми налицо увеличивающими вину обстоятельствами. В отношении себя заявляю – первое: а) никогда ни в какой контрреволюционной организации я не состоял и не знал о существовании таковых до моих допросов у следователя; б) никто никогда не предлагал мне вступить в ту или иную контрреволюционную организацию ни прямым, ни каким-либо косвенным предложением и никто не говорил о существовании таких организаций.

Второе: в апреле 1918 года я добровольно вступил в ряды Красной армии и честно прослужил в таковой почти тринадцать лет, являясь ее активным работником. Формулу лояльного работника я не признаю вообще, а в Красной армии не допускаю: командир Красной армии может быть только активным работником, командир Красной армии должен быть командир-революционер, готовый в любую минуту стать на защиту пролетарской революции. Таким я был, таков есть, и таким буду, если будет к тому предоставлена мне возможность»¹⁵.

О вечерах георгиевских кавалеров (георгиевских праздниках) – одном из ритуалов поддержания военных традиций старого офицерства. Они проводились после окончания Гражданской войны силами преподавателей московских академий вплоть до 1927 г. Из показаний В.Н. Гатовского (быв. генерал-майора): «Каждый раз перед чаем на стол подавался крендель, иногда с изображением георгиевского креста. Все перечисленные участники вечеров обычно приходили с Георгиевскими крестами на груди в штатской одежде, а если кто и в военной форме, то без знаков отличий. Надежный Дмитрий Николаевич, имевший орден Красного Знамени, приходил также с крестом, но без ордена. Вечера носили форму салонных разговоров, политики совершенно не касались. Помню, что Надежный иногда рассказывал о своих боевых подвигах во время империалистической войны. Во время вечеров кресты оставались на груди и в таком же виде мы расходились. Устройство вечеров происходило на средства Снесарева. В 1926 году последний раз был устроен такой же вечер 26 ноября по старому стилю на квартире Голубинцева. Были те же лица... Вечер сопровождался в такой же обстановке, участники

¹⁵ Цит. по: *Титченко Ярослав*. Указ. соч. С. 136–137.

приходили с крестами. Вечер у Голубинцева был устроен в складчину. Помню, что лично я уплатил 5 рублей»¹⁶.

Из военных округов в ходе операции «Весна» более всего пострадал Украинский военный округ. Органы ОГПУ «обнаружили» там контрреволюционную офицерскую организацию, которая занималась «контрреволюционной деятельностью и готовила восстание» против советской власти. Руководителем этой организации якобы был бывший генерал старой армии и также бывший командующий Восточным фронтом Красной армии В.А. Ольдерогге. Отделения этой организации ОГПУ «обнаружило» во всех крупных гарнизонах округа. Там тоже прошли аресты. Среди арестованных было несколько командиров дивизий (44 сд – Я.А. Штромбах, 30 сд – П.П. Мясоедов), начальников штабов дивизий (30 сд – М.В. Катанский, 24 сд – Н.З. Дондаров, 25 сд – Д.Д. Помазкин, 1 кд – А.Н. Павлов). Не обошло вниманием ОГПУ и бывших офицеров – военных руководителей (военруков) гражданских учебных заведений. Были арестованы военрук горного института (г. Сталино) В.В. Виноградов, института народного образования (г. Полтава) В.З. Тимофеев-Наумов, института народного образования г. Житомир) М.В. Муретов, горного института (г. Днепропетровск) С.М. Михайловский, института механизации и моторизации (г. Харьков) И.Д. Чинтулов, ветеринарного института (г. Харьков) А.М. Хмельков, технологического института (г. Харьков) А.П. Мултановский, медицинского института (г. Одесса) А.А. Рудницкий, института народного образования (г. Одесса) Н.В. Васенков и др. Был арестован также начальник штаба 8-го стрелкового корпуса Г.А. Пинаев.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ольдерогге Владимир Александрович. Родился 24 июля 1973 г. Окончил 1-й кадетский корпус, Константиновское военное училище (1892). Служил в лейб-гвардии Финляндском полку. После окончания Николаевской академии Генерального штаба в 1901 г. занимал штабные должности в Киевском военном округе. Участник Русско-японской войны в должности начальника дорожного отдела управления военных сообщений Маньчжурской армии. После войны: в 1906–1907 гг. – начальник строевого отдела Севастопольской крепости, в 1907–1908 гг. – заведующий передвижением Иркутского, в 1908–1912 гг. – Омского районов. В годы Первой мировой войны командовал пехотным полком, бригадой и 1-й Туркестанской стрелковой дивизией. Удостоен воинского звания генерал-майор.

В РККА с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. В годы войны занимал должности: военного руководителя Новоржевского участка завесы, начальника Литовской стрелковой дивизии (май 1918 г. – март 1919 г.), командующего Восточным фронтом (август 1919 г. – январь 1920 г.), командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. С октября 1920 г. – в распоряжении командующего Южным фронтом.

После Гражданской войны на ответственных должностях в Украинском военном округе (УВО). В 1921 г. – инспектор пехоты войск Украины и Крыма. С июня 1921 г. – начальник управления военно-учебных заведений Украинского военного округа. В 1923–1924 гг. – представитель Главного управления военно-учебных заведений РККА в УВО. С февраля 1924 г. – помощник начальника Объединенной военной школы имени С.С. Каменева. С сентября 1926 г. – военный руководитель Киевского политехнического института, а затем – главный военный руководитель военно-учебных заведений в Киеве. С 1922 г. – помощник руководителя военно-научного общества УВО, а затем Осоавиахима.

Арестован по делу «Весна» 7 декабря 1930 г. На допросах у него выбили «признание» в том, что он являлся руководителем контрреволюционной офицерской организации на Украине. Расстрелян в Харькове в ночь с 26 на 27 мая 1931 г. Посмертно реабилитирован.

¹⁶ Там же. С. 132–133.

Помимо Украинского, аресты прошли и в других военных округах – Белорусском, Приволжском, Сибирском. Глава ОГПУ Генрих Ягода требовал от своих подчиненных на местах «уничтожить гидру контрреволюции». И те старались изо всех сил, проявляя при этом «свою инициативу».

В мае 1931 г. в Москве было принято решение закончить дело «Весна», ограничившись уже произведенными арестами. Все сведения о «заговорах» бывших генералов и офицеров, собранные в других регионах, должны были быть расследованы местными органами ОГПУ с принятием соответствующих решений.

По утверждению специалиста по данной проблеме Я. Тинченко, подлинные масштабы погрома бывшего офицерства в СССР в начале 30-х годов до сих пор неизвестны. Но общее количество этих кадровых военных специалистов, по его мнению, может достигать 10 тысяч человек. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что 1930–1931 гг. были вступлением к погрому военных кадров в 1937–1938 гг.

Дело командарма 2-го ранга И.Н. Дубового

Архивно-следственное дело Р -23480 (967378)

А потом наступила вторая половина 30-х годов – пора суровых испытаний и горьких потерь среди высшего командно-начальствующего состава Красной армии. Наряду с политическими процессами в стране Сталин и его окружение провели скоротечный (уложились за один день – 11 июня 1937 г.) процесс над «верхушкой» РККА («группой М.Н. Тухачевского»). Состав подсудимых на этом процессе, однако, начал комплектоваться задолго до суда, еще в 1936 г.

1937 год вообще потряс до основания армию и флот. Аресты среди командно-начальствующего состава внесли смятение и тревогу в войсках, усилили недоверие к нему со стороны красноармейцев и краснофлотцев. Понес потери и высший состав РККА. Если в 1936 г. эти потери исчислялись единицами, то в 1937 г. они насчитывали десятки и сотни. Например, в 1936 г. из высшего командного состава были арестованы комкоры В.К. Путна, В.М. Примаков, С.А. Туровский, комдивы Ю.В. Саблин, Д.А. Шмидт, комбриги Э.Г. Матсон-Игнеус, М.О. Зюк, бригадные комиссары К.И. Бочаров, М.С. Годес, Л.О. Леонидов. Первые двое из этого списка были включены в состав группы командиров, судимых совместно с М.Н. Тухачевским в июне 1937 г.

Командиры и политработники РККА честно и добросовестно тянули свою служебную лямку, а на них в это время в ведомстве Ежова добывали «показания». Добывали, как теперь известно, незаконными способами. В частности, В.М. Примаков, арестованный 14 августа 1936 г., не давал «признательных» показаний почти год, но потом и его сломали. Вот какие показания он давал в отношении И.Н. Дубового, в то время командующего войсками Харьковского военного округа, командарма 2-го ранга:

«Считаю необходимым сообщить следствию о Дубовом И.Н. нижеследующее:

1. В 1933 году вместе с Дубовым И.Н. я учился в Германской академии генерального штаба. Во время неоднократных с ним разговоров я твердо установил, что Дубовой настроен вполне контрреволюционно в отношении хозяйственной политики партии и в отношении руководства Красной армии.

а) В одном из разговоров в начале 1933 года я рассказывал Дубовому о борьбе с кулацким саботажем на севере Кавказа. Дубовой с большой горячностью в ответ рассказал мне о разгроме кулаков на Украине, результатом чего, по его словам, явилось полное разорение деревни и уничтожение скота. В этом же разговоре он повторил мне кулацкие слухи о людоедстве в Одесской и Таврической областях и высказался вполне определенно, что с коллективизацией мы на полдесятка лет останемся без хлеба: «нет хозяина на селе – нет и хлеба».

б) Весною в Берлин приехал начальник пуогра (политического управления округа. – Н.Ч.) Амелин (для лечения), который немедленно связался с Дубовым и передал ему свежие новости из Украины. Я наблюдал большую личную дружескую близость Амелина с Дубовым и присутствовал при разговоре, когда Амелин рассказывал Дубовому о голоде в украинских селах. В этом разговоре Амелин в ответ на мои слова, что на Северном Кавказе все-таки путем переселения из России удастся поправить станицы, ответил: «Да на Украине не только села, но и все местечки разорены и народ из них бежит кто куда. Еще в села можно переселить людей, как и в станицы – хлеботорговцы найдутся, в местечках там ремесленники, их не заменишь». Дубовой сказал: «Ты же не хуже нас знаешь Украину – так я тебе скажу, и в селах пусто, а в местечках еще хуже – все запустело. И когда поправится и каким путем – не видать, потому

что без хозяина на селе не будет ладу”. Этот вполне правооппортунистический кулацкий разговор возобновлялся несколько раз и убедил меня, что Дубовой, во-первых, очень близок с Амелиным и очень верит его информации, во-вторых, настроен вполне как кулак.

в) Летом во время полевой поездки в южной Германии я сфотографировал Дубового в пшенице на Дунае – пшеница была выше его роста и по этому поводу он сказал: “У нас на Украине и земля лучше, и климат лучше – а такой пшеницы не бывает. Для такой пшеницы хозяин нужен”. Я сказал: “Колхозы вырастят”. Он немедленно ответил: “Нет, брат, это только хозяин вырастит, а в колхозах семеро нянек, а хозяина нет”.

В Берлине Дубовой жил на одной квартире с Урицким С.П. (начальником разведывательного управления), с которым он связан личной тесной дружбой. С ними обоими часто бывал в его бытность в Берлине и Амелин. Через них также нашу группу учившихся в академии разыскал и на их квартире сделал нам сообщение о новых назначениях по РККА и о прочих делах военный атташе в Париже Венцов.

В Берлине Дубовой был также тесно связан с Якиром, который был там зимою 1933 года, и с Левичевым, который был там военным атташе.

2. Дубовой И.Н. неоднократно на протяжении 1930–1936 гг. в разговорах со мною враждебно и презрительно говорил о тов. Ворошилове как о человеке, который ничем не занимается, кроме стрелкового дела, и отстает от военной техники. В разговорах со мною и другими военными систематически, особенно на пленумах РВС СССР, противопоставлял тов. Ворошилову Якира, что было нашей троцкистской линией.

Мне хорошо известна личная многолетняя большая близость Дубового с Якиром, Гамарником, Левичевым, которых я знаю как заговорщиков, и это дополнительно убеждает меня, что Дубовой является законспирированным участником заговора.

3. В Киеве весною 1935 года на квартире Дубового в разговоре с ним и его женой я убедился в их националистических настроениях и связях. В частности, жена Дубового (работница *Государственного издательства Украины*) и он сам настойчиво противопоставляли Хвилью тов(арищу) Затонскому...

На основании всего этого считаю Дубового участником заговора.

В. Примаков»¹⁷.

А теперь пора более подробно познакомиться с биографией этого военачальника, т. е. И.Н. Дубового.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Дубовой Иван Наумович. Украинец. Член ВКП(б) с июня 1917 г. Родился в сентябре 1896 г. на хуторе Чмыровка Чигиринского уезда Киевской губернии в крестьянской семье. Окончив в 1916 г. реальное училище в г. Славянске, поступил в Киевский коммерческий институт. Однако учиться долго не пришлось: в конце октября 1916 г. был призван в армию. После непродолжительного пребывания в учебном батальоне в Нижнем Новгороде, в ноябре 1916 г. был направлен на учебу в Иркутское военное училище, ускоренный курс которого окончил четыре месяца спустя. Дальнейшую службу прапорщик И.Н. Дубовой проходил в 30 – м Сибирском запасном стрелковом полку, дислоцированном в г. Красноярске, в должности младшего офицера учебной команды. После Февральской революции 1917 г. принимал активное участие в формировании и обучении красногвардейских отрядов. Участник подавления выступления юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г.

¹⁷ Центральный архив ФСБ (далее ЦА ФСБ). Архивно-следственное дело (далее АСД) И.Н. Дубового. Т. 1. Л. 75–77.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.